

Выехали на проспект возле Курского. Телефон-автомат.

— Стойте! — сказала она. Остановился. Оля достала из сумочки записную книжку с телефонами. Полистала.

Вошла в телефонную, пустую, ночную, какую-то обглоданную временем и страстями будку. Набрала номер. Того, кто был ее первым мужем. И долго при этом. Лет пять.

Гудки. Нет ответа. Она набрала еще. Наконец, подошел.

— Саня? — спросила она.

Он ответил:

— Я.

— Это Оля.

— Какая Оля? — удивился он, очевидно не сразу вспомнив, кто это.

— Да, Оля! В прошлом твоя жена.

— Господи, откуда ты взялась? — изумился он. — Ты что так поздно звонишь?

— Саня, мне сейчас очень плохо, — сказала Оля Викентьевна. — Я ушла из дому. От мужа. Стою на улице. И не знаю, куда деваться.

— Вот как! — поразился он. — И что? — спросил он.

— Можно к тебе? Хотя бы до утра?

К Сане, который стоял с телефонной трубкой в руке, подошла сзади женщина и облокотилась о его плечо. Не то жена, не то вдове жены.

— Кто это? — шепотом спросила она его.

— Жена моя бывшая, — также шепотом ответил он. И в трубку: — Ты что — серьезно? Или разыгрываешь меня?

— Серьезно! Серьезно! — в отчаянии крикнула Оля. — Хоть бы до утра, — повторила она.

Наступило молчание.

Оля спросила:

— Ты меня слышишь?

— Слышу.

— И что? — спросила она.

— Исключено! — сказал Саня. — К тому же я не один!

И, бросив трубку, он и его не то жена, не то не жена вернулись в спальню, легли в постель, и она спросила:

— А кто она, эта твоя бывшая? Ты мне никогда о ней не рассказывал.

— Когда-нибудь расскажу, — пообещал он. — О, это особа очень сложной судьбы... Это смешно, но она из архиресторативского рода...

И жена или не жена принялась к нему, с нежным упреком сказала:

— Ты и со мной в один прекрасный день будешь так говорить?

— Как?

— Так противно, — сказала она.

— С тобой — никогда, — отозвался он.

Она отвернулась и молча лежала. Потом повернулась к нему, очевидно, желая еще что-то спросить. Но он уже мирно посапывал, видимо, уже спал. И вправду: ничто переломилось за полонину.

А Оля Викентьевна по-прежнему сжала в том же такси. И тот же таксист по-прежнему рассказывал ей о московских подробностях: все более сенсационные и непривычные нам детали московской жизни и ныншних ее нравов.

Остановились, потому что перед ними горел дом. Ночной пожар в глухой Москве, пожар с его паникой, мечущимися людьми, выбрасываемыми из окон вещами. Таксист стоит. И Оля с любовью и даже как-то жадно глядит на этот рвущийся в тьму огонь. На этот воплотившийся людской мурашки.

— Люблю смотреть на огонь! — сказала она. — Он завораживает.

— Красиво, что говорит! — согласился шофер. — Только накладно.

И вновь они едут. Другой телефон-автомат. Остановились и тут.

И опять Оля Викентьевна вошла в будку и опять, полистав свою записную книжку, набрала номер.

Звонки телефона услышал мужчина: спросоны, в двухспальной кровати. Он долго не поднимал трубку, борясь со сном. Потом все же слез с кровати и прошлепал, зевая, в комнату рядом — кабинет.

Телефон был именно в кабинете. Мужчина поднял трубку.

— Бешмстов у телефона, — привычно официально и сухо проговорил он.

— Кеша? — проговорила она в своей телефонной трубке. — Это ты, Кеша? Это говорит Оля.

И так как он молчал, то она повторила:

— Ты меня слышишь? Это Оля!

Однако он по-прежнему молчал, хотя сразу узнал ее. Когда-то он с ней ходил даже в загс.

И она повторила еще раз:

— Оля! Оля! Твоя прежняя жена. Я ушла от мужа.

Да, он сразу узнал ее, но рядом в спальне, за открытой дверью, на широкой двухспальной кровати спала его теперешняя жена. И он, косясь на эту открытую дверь, сказал:

— Простите, а я тут причем? Тут что-то не то. Ошибка.

— Не притворяйся, что ты не помнишь меня! — крикнула Оля в трубку. — Я на улице! — повторила она. — Ушла от мужа. Нагсагда. Мне некуда деться. Я замарзла!

Тогда, по-прежнему косясь на дверь в спальню, за которой на кровати, уже приподнявшись на локтях, прислушивалась жена, он сказал в трубку совсем особым начальственно-приветливым тоном:

— А, это Всеволод Александрович! Простите, я не сразу узнал вас. Рад слышать ваш голос. Что-то вы поздновато. В чем дело?

15 декабря

Юлию Яковлевичу

Райзману

исполнилось 90 лет.

Этот день

он встретил без

друга всей жизни

и многолетнего

соавтора —

Евгения Иосифовича

Габриловича

Вместе они успели

придумать еще

один общий фильм.

Мы публикуем

сегодня эту заявку,

переданную «ЭС»

Ю. Я. Райзманом.

Евгений ГАБРИЛОВИЧ, Юлий РАЙЗМАН

МОСКОВСКАЯ КАРУСЕЛЬ

(ЗАЯВКА НА СЦЕНАРИЙ)

— Не разбираетесь вы в Москве, — откликнулся он. — Чего тут только не приключается! Стрельба утихла столь же внезапно, как началась. Таксист снова выключил мотор. Они опять выехали на мажорскую улицу.

Внезапно дорогу им преградил молодой и разношерстный отряд весьма агрессивного вида с кирпичами и дубинками в руках.

— Стой!

Таксист, привычный, выдать, и к таким пассажирам, тут же остановился, раскрутил окошко и сказал:

— Ребята, везу в роддом. Беременную. Она потно разродится в машине.

— Брешешь, небось, — сказал главарь этой почной компании.

— А денег у меня все равно нет, — вскринул таксист. — Я только что выехал.

Парни — они были в штатках, надвинутых на брови, девчонки в очень коротких юбках — переглянулись и главарь сказал:

— Ладно, ребята. Пропустим родить. Только условие, — обратился он к Ольге. — Рожай не спихнуху, а парни! Эй, слышишь?!

И машина поехала под хохот и свист.

Еще одна телеавтоматная будка. Остановились. Ольга еще раз набрала по своей книжечке номер.

На сей раз в этот рассветный час ее оглушил дым коромыслом. Слышно было, как гремел магнитофон, спорили, пели. В телефонной трубке отключился женский голос:

— Алло!

Несколько растерявшись, Ольга спросила:

— Валентина Федоровна можно?

— Поздновато звоните, гражданка, — отключился женский голос сквозь магнитофонный вой. — И крикнул:

— Вальс! Тебя какая-то плюха!

Взял трубку Вая.

— Слушаю.

— Вая, это Оля.

— Оля! — завопил он (он был ей ровесником). — Вот удача-то! А мне говорили, что ты замужем.

— Я ушла из дому, — проговорила она. — Совсем. Я одна. Замерзла. И тут стрелно! — сказала она.

— Ну и прекрасной! — возликовал Вая. — Привет! Немедленно! Приезжай! У нас такая тусовка!

И как раз не хватало одной. Для Васьки. Он ведь сегодня герой! Завинул тринадцатый мичей. Ой, братцы, вы да еще не воображайте, какой кадр к нам едет! — крикнул он обществу поперек трубки. — Васька, иди сюда! Поговори с ней!

— Ты иди. Ступай к черту! — сказала Ольга и повесила трубку.

— Как звать-то ее? — спросил тем временем у Васы огромный баскетболист, подошед к телефону и гремевший и плещущий квартире.

— Стрельба! — спокойно ответил он. — Разве не слышите? Стреляют!

— Но, почему? — ошеломилась она. — В Москве? Среди ночи?

— А что?

— Повесила трубку, — сказал, зевая, гигант.

— Узнаю Олечку! — захохотал Валентин.

— А ты с ней путался? — задал вопрос гигант.

— Ошивался невдалеке, — сказал Валентин. — Но зря, не далась, если честно.

— Ошивался! — передразнил баскетболист. — Колпак! Их сопать надо сразу, под жабы!

— Что — опять дырка? — спросил шофер Ольгу, когда она вновь села в его машину. — Ну ладно, не огорчайтесь. Такова уж наша планета: нынче — дождь, завтра — солнце... Хотите, я вас подвезу, где безошибочно? Можно к вокзалам. Там ночные поезда. А можно — к гостиницам, там вьются иностранцы.

— Вы с ума сошли! — как всегда негромко отпел Ольга. — За кого вы меня принимаете!

Он промолчал. Некоторое время ехали молча. Таксист сказал:

— Ну, будя мотаться! Вы знаете, сколько на счетчике?

— У меня есть деньги, — ответила она.

Едут.

— Слушай, имется мнение, — скаал таксист, внезапно переходящий на «ты». Если некуда сунуться, поедем ко мне. Ты же совсем замерзла. Польшешь коньячку, отогрешешься.

Комната у шофера была коммунальная, по коридору пришлось пробираться на цыпочках. А сама комната была чистенькая, тщательно убранная, небольшая. Аллюратная в каждой своей подробности.

Ольга села за стол и опустила голову на руки. Она, видимо, действительно замерзла и очень устала.

Шофер нарезал хлеб, побасу.

— Чего задумалась? — спросил он.

— Думаю, как лучше покончить с собой! — таков был ответ.

— Что ты, мать! — поразился он. Пододвинул ей стакан с коньяком на донышке и сказал:

— На-ка, выпей! Чего огорчалась! Ниче — в яму, а завтра, глядишь, на небо. Чего горевать, — повторил он. — Ты выпей! Выпей!

Она немного глотнула.

— А почему вы говорите мне «ты»? — спросила она. — Я старше вас. И я женщина. Мои предки даже к лакеям и кучерам обращались «на вы».

— Вои оно даже как! — усмехнулся он. — А кто они, твои предки?

— Мои предки? — спойно отозвалась она. — Прадед был камергером, а прапрадед — адъютантом его величества государя императора.

— А бабка? — не без интереса спросил он.

— А бабка была графиней, — все также спойно сказала Ольга. — К ней обращались так: Ваша сиятельство.

— Ну и ну! — несколько озадаченно, но с недоверием отозвался он.

Она снова сделала небольшой глоток из стакана.

— Это была совершенно нилка жизнь, — проговорила она. Кошки немного развела ей ялик и она, сперва сдержанно, потом все более увлеченно стала рассказывать о своей семье, о бабушке, дедушке, матери и отце, о том, как они жили, как воспитывали детей, во что верили, на что надеялись. Это была впечатляющая странная, малость юнкая, малость вышшая всем тем, что случилось, с ней этой ночью, исповедь, обращенная к этому случайному таксисту, печальному парню с окраины Москвы. Рассказала, как расстреляли отца, как они, лишенные прав, бедовали с понойной матерью.

— Мои очень нуждалась, — рассказывала она. — Мать научила печь пирошки. Я их продавала на рынке.

Потом рассказала о том, как мать выдала ее, семнадцатилетнюю, за настройщика фольклора. Это был тихий, добрый, безостройный человек и очень любил ее. Но внезапно умер и они снова остались с матерью один на белом свете.

— Обе мы ничего не умели делать, — рассказывала она. — Я от дедушки знала английский язык, а мама меня учила французскому. Язык и знаю, но ничего другого. Иногда выдарапываю переводы, — сказала она.

И примолкла.

— Ну, а потом? — спросил этот ночной ковбой. — После настройщика?

— Потом было много разного, — отозвалась она.

— А теперь-то ты замужем? Муж есть?

— Есть, — сказала она. — Человек неглупый, но бестолковый. Слабый. Безвольный... Какой-то качающийся, — она, наконец, подыскала нужное слово. — Инженер-химик, а пишет текстоники к песенкам. На это мы и живем.

И она завершила свой рассказ так:

— А вообще, я научилась быть настоящей женщиной: стрелять, мотаться по очередям, стирать белье, — поставила точку Ольга.

Шофер слушал. Понесть этой случайно подначенной пассажирки захватила его, привычного ко всему.

— Все жизнь я мечтала встретить настоящего человека, — сказала Ольга Викентьевна. — Умного. Сильного. Решительного. Уверенного. На которого можно спойно и радостно опереться... Не получилось. Хорошо еще, что негу детей... А сегодня я ушла из дома, от мужа.

— Ну, это горячиалась, — заметил таксист. — Мало ли чего в жизни хочешь, да не все вытанчиваются. Давите, я вас раздену, а то простудитесь, — и стал стаскивать с нее пальто.

— Ничь ты, решительной! — приговаривал он. — Решительные-то милды мои, все давно разобраны... Да, интересная у вас биография, — сказал он, испойно снова переходя на «вы». — Я вам постельку поставлю. Ляжете, выспитесь.

И снул с ее головы шапку. Он стоял совсем близ-

ко. Она видела его лицо, молодое, крепкое, симпатичное, и покорно стояла, не шевелясь.

— Ложитесь и отдыхайте, — сказал он, но не отошел.

Видимо, ей пришла в голову какая-то шальная мысль, потому что она быстро стала расстегивать вязаную кофточку, которая была на ней. Сказала:

— Потушите свет!

Он потушил свет. Она быстро разделась и легла на кровать.

— Что ж ты, — сказала она.

Он был несколько ошарашен, но тоже быстро разделся и лег с ней рядом.

— Только не сразу, — сказала Ольга. — Потомп меня...

— Это как? — спросил таксист.

— Ну, не горюпис, примкисы ко мне...

На улице было уже по-утреннему светло.

Когда Ольга Викентьевна кончала одеваться, таксист сидел на кровати, свесив голые ноги. Когда она стала надевать пальто, он сказал:

— Погодите, я вас отвезу.

— Нет, нет, не надо, я пройдуся.

Она вынула из сумки деньги и положила их на стол.

— Это все, что у меня есть, — сказала она.

— Много даете...

— Нет, нет, — снова повторила она.

— Скажите хоть телефон, — попросил он.

— Зачем? Если надо будет, я вас найду... До свидания.

Она открыла дверь, чтобы выйти, но приостановилась и сказала, не поворачиваясь:

— Спасибо! — и вышла из комнаты.

На улице было уже много народу: кто спешил на работу, а кто с авоськами. Протогал автобус, потом другой. Из метро повалил народ.

Ольга шла по этой утренней улице домой. Увидела какую-то очередь. Понив, что это за молоком, кинулась, занимать там место. Вынула из кармана пальто всегда дежурившие там на великий случай авоськи.

Потом толкалась в молочной. Потом шла с авоськами в обеих руках.

Она вернулась. Все в комнате, которую она бросила навсегда, было как всегда. Муж мирно и сладко спал. Она вынула пакеты с молоком, что-то уронила. Муж раскрыл вежды. Увидел ее в пальто. Удивился:

— Ты куда уходишь в такую рань?

— Я не ухожу, а пришла, — сказала она.

— Откуда? Ты разве уходила?

— В молочную. Тебе за молоком. Ты же любишь кофе с молоком, — добавила она не то заботливо, не то с усмешкой.

Он, зевнув, спустил ноги с кровати, почесал спину и ушел в ванную. А она пошла на кухню жарить яичницу. Раздался телефонный звонок. Ольга подняла трубку. Крикнула в ванную:

— Это тебе!

— А это просит? — это голос мужа из ванной.

Она в трубку.

— А кто его просит?

И в шепотку:

— Твой композитор.

— Передай, у меня все готово. Я написал. И получилось отлично.

И Ольга в трубку:

— У него все готово. Он написал. И получилось отлично.

Слушает что-то несильно шумя, а потом еще раз передает в ванную, где шумит душ.

Он просит как можно скорей привезти ему твое сочинение.

Потом он заикался — Ольга жарила, а он ел, поспешно глотая и напех листы газеты.

— А почему ты не ешь? — спросил он.

— Не хочу, — отвечала она и ушла в свою комнату.

Поняв с личинцей и с запятым молоком кофе, он вышел в прихожую, надел пальто и, открыв дверь, ее комнаты, сказал:

— Я ухожу. Иди, поцелуй меня.

— Еще что! — отозвалась Ольга Викентьевна.

Она отошла к окну и увидела, как он, муж ее, Алексей, вышел из подъезда на улицу и стал переходить проезжую часть, спереди стоявшего на остановке автобуса. И как не заметил заслоненной этим автобусом мчащейся легковушки. И на ее глазах эта легковушка наехала, опрокинула Алексея, откинула его и от рухнул на асфальт.

Она прозрительно вскрикнула и бросилась, как была, в одном платье, вниз по лестнице и пробежала, лавируя среди табуна мчащихся автомашин и ледяных масс движущихся мужу. И, лагнувшись ладонями, приподняла и затормозила его. Бормоча в отчаянии:

— Лешенька! Леша!

Он был беспомощен и не отвечал. Она крикнула обступившим их людям:

— Звоните в Скорую! Скорей в Скорую! Скорей!

Все больше и больше зевак обступали ее и лежащего мужа Лешу. И вдруг чьи-то сильные, твердые, решительные руки подхватили ее и помогли встать. Был мужчина лет сорока, крупный, сильный, с небольшими усами.

— Я вызвал Скорую, — сказал он.

(Окончание на 10-й стр.)